

После того как удрал последний коридорный, мы с Бу Фэнчэнем обошли весь трактир и пришли к неутешительному выводу: сбежали решительно все. Хозяина и след простыл, прислуга разбежалась, повар испарился. Ирония судьбы — я снял комнату в гостинице, а умываться и готовить ужин теперь должен своими руками.

— Я калека, так что иди ты.

Закинув ногу на ногу, я с глубоким удовлетворением уселся на деревянную скамью во дворе. Глупо упускать возможность использовать чужой труд, когда тебе её так любезно предоставляют. К тому же я ведь и впрямь числился в рядах тяжелораненых: голова в бинтах, нога хромает — зрелище на редкость жалкое.

Бу Фэнчэнь на удивление легко подчинился. Закатав рукава, он споро вытянул из колодца ведро холодной воды и наполнил таз. Ледяная влага мгновенно смыла остатки сна, вернув мыслям былую ясность, а телу — бодрость.

— Готовить умеешь? — спросил я, заново перебинтовывая верхнюю половину лица. Желудок уже всю требовал еды.

Бу Фэнчэнь ненадолго задумался, а затем как-то нерешительно кивнул.

Глядя на его сомнения, заколебался и я. Если не умеешь, лучше не берись — первая трапеза после пробуждения задает настрой на весь день, портить его не хотелось. Впрочем, моим кулинарным опасениям не суждено было сбыться. Стоило заглянуть на кухню, как у меня вырвалось крепкое ругательство: беглый повар вычистил кладовые подчистую, оставив на полу лишь пару увядших капустных листьев, которые сиротливо притворялись мертвыми.

Подперев бока руками, я вздохнул у порога:

— Ладно, забудь. Придется искать пропитание в другом месте.

— Кто-то идет, — негромко обронил стоявший за моей спиной Бу Фэнчэнь. Когда я обернулся, его и след простыл.

В такой час сюда могли пожаловать либо случайные путники, либо те самые вышибалы, из-за которых сбежал прежний хозяин. Судя по тому, как стремительно исчез мой спутник, вторые были куда вероятнее. Какое невезение: едва вернулся из Священных Врат в мир смертных, как на меня лавиной посыпались чужие дразги. Тут у любого настроение испортится.

Раз уж эти незваные гости посмели явиться под горячую руку и испортить мне утро, им же хуже. Надеюсь, они не утомят меня слишком сильно. Оставив пустую кухню, я не торопясь направился в главный зал.

Я наивно полагал, что это я сегодня встал не с той ноги, но оказалось, что Бу Фэнчэнь пребывает в куда более скверном расположении духа. Удивительное дело: разве этот человек не великий праведник? Или, лишившись памяти, он наконец-то явил миру свою истинную, далеко не святую натуру? Стоило мне переступить порог залы, как я увидел Бу Фэнчэня, безмятежно восседающего за столом. А вот за порогом, на пыльной улице, живописной грудой валялись недавние гости, оглашая окрестности жалобными стонами и держась за ушибленные места.

— Недурно, весьма недурно, — одобрительно кивнул я, подходя к Бу Фэнчэню и дружески хлопая его по плечу. Развалившиеся во дворе громилы явно зарабатывали на хлеб кулаками, но сегодня встретили достойный отпор. Как же приятно иметь под рукой первоклассного телохранителя — никакого рукоприкладства, стой себе и пожинай чужие лавры.

Не успел я опомниться, как сильные пальцы Бу Фэнчэня перехватили меня за талию. Не встретив ни малейшего сопротивления, он мягко, но властно усадил меня рядом с собой. На его губах заиграла едва заметная, ласковая усмешка, а в голосе слышались теплые ноты:

— Я должен оберегать тебя. Мы ведь строим наш общий дом, не так ли?

— Да-да, конечно, именно так, — буркнул я, без лишних церемоний убирая его руку со своего пояса. Закинув ногу на ногу, я потянулся к чайнику, надеясь промочить горло, но тот оказался абсолютно пуст.

— Пощадите, господа герои! Смилуйтесь! — запричитал вожак вышибал, распластавшись на пороге и отчаянно прижимая ладонь к груди. — Мы ведь не со зла! Старик Сунь, прежний хозяин этого заведения, задолжал нашему господину кучу денег, а отдавать нечем! Вот нас и послали отобрать здание за долги! Мы люди подневольные, просто исполняли приказ! Пощадите, сжальтесь над нами!

Вот ведь старый лис! Значит, дед прекрасно знал, что заведение со дня на день конфискуют за долги, но преспокойно прикарманил мои банкноты. И пускай он вручил мне купчую и права на землю — я даже спрятать их толком не успел, как на пороге выросли кредиторы. Соображает же у людей голова в критические минуты!

Собственно, то, что этот захолустный приют до сих пор держался на плаву, само по себе граничило с чудом. Место здесь бойкое, лакомый кусок для любого дельца. Но прежний хозяин отличался ослиным упрямством: визитеров, предлагавших за выкуп горы золота, выставляли вон без лишних разговоров. Впрочем, теперь упрямец почил, а некогда оберегавший трактир Князь демонов Чоу Тяньгэ тоже официально числился среди мертвецов.

Ирония судьбы, не иначе. В день, когда это гнездо должно было окончательно пойти с молотка, я умудрился оказаться здесь собственной персоной.

— Отныне хозяин этого заведения я, и документы на владение землей тоже у меня, — холодно бросил я, смерив главаря равнодушным взглядом. — И сколько этот ваш старик Сунь задолжал

вашему хозяину?

"Старик Сунь, похоже, оказался круглым дураком, — невольно подумал я. — Некоторые ушлые дельцы обожают заманивать простаков в игорные дома, доводить до полного разорения и заставлять переписывать имущество за бесценок. Старый как мир, но безотказный прием. Смертные в большинстве своем слишком слабы перед искушением легкой наживы."

Можно было не сомневаться, что, заявляясь сюда, эти визжащие на земле свиньи верили в свою безнаказанность и брызгали спесью. Но им не повезло наткнуться на Бу Фэнчэня. Подобная шваль никогда не станет рисковать головой ради грошового жалованья; их удел — топтать слабых и пресмыкаться перед сильными.

— Пять... пять тысяч лянов, — дрожащим голосом выдавил вожак, несмело протягивая пятерню.

— Пять тысяч?! — рывкнул я, со всей силы хлопнув ладонью по столешнице.

Пять тысяч лянов! Пять тысяч чистейшего серебра! Да за эту астрономическую сумму можно скупить десяток подобных клоповников вместе с потрохами! Неудивительно, что старик припустил так, что пятки сверкали — даже если бы он продал трактир вместе с землей, выручки не хватило бы и на треть долга.

В одно мгновение я почувствовал себя самым нелепым простофилей поднебесной.

— Смилуйтесь, господин герой! Пощадите! Это чистая правда, ровно пять тысяч! Расписка... у меня и долговая расписка с собой! Вот она, черным по белому написана! Клянусь, у меня бы духу не всю жизнь лгать вам! — В подтверждение своих слов вожак торопливо выудил из-за пазухи измятый лист бумаги.

Заметив моё замешательство, Бу Фэнчэнь склонился к моему уху и негромко шепнул:

— Разве у тебя нет с собой кучи дорожных чеков? Отдай им, делов-то.

— Пять тысяч... Если я отдам их, то останусь ни с чем, — тихо проворчал я в ответ. Деньги, вырученные за подвеску из белого нефрита, едва превышали эту сумму. С учетом того, сколько я отвалил вчера сбежавшему трактирщику, после выплаты этого долга в моем кошельке останется от силы пара жалких медяков.

Я смерил Бу Фэнчэня недовольным взглядом и хмуро процедил:

— Вот видишь! Это всё твоё упрямство. «Давай остановимся в этом трактире, давай остановимся здесь...» И пожалуйста, теперь я кругом виноват и должен платить. Пять тысяч лянов! Не пять цянней и даже не пять лянов золота... — Я замолчал на мгновение и добавил с

предельной серьезностью: — Отдам это — и мы пойдём по миру с протянутой рукой.

— Сними ты уже эти бинты с головы, у тебя там и царапины нет, — мягко усмехнулся Бу Фэнчэнь. С этими словами он достал из-за пазухи небольшой мешочек и вложил его в мою ладонь. Ткань приятно оттянула руку — ноша оказалась на редкость увесистой.

"А он сообразителен. И весьма предупредителен — заслуживает награды, — мысленно усмехнулся я. — Сегодня же вечером отведу его в лучший публичный дом Речного города, напою самым изысканным вином, а заодно... хе-хе... под шумок приберу этого новоявленного «святошу» к рукам."

— А мне казалось, мне идет, — пробормотал я, легонько коснувшись повязки на лице. Развязав тесемки мешочка, я заглянул внутрь и расплылся в довольной улыбке: содержимое этой невзрачной вещицы стоило в разы больше той нефритовой безделушки, что я заложил вчера.

Запустив пальцы внутрь, я выудил крупный рубин цвета голубиной крови. В лучах утреннего солнца драгоценный камень вспыхнул ослепительным, почти гипнотизирующим багрянцем. И пускай у меня хватало бумажных денег, чтобы расплатиться по долгам старика Суня, менять столь редкое сокровище на обычное серебро в лавке было бы слишком хлопотно. Но для вышибал сойдет.

Слегка прихрамывая, я не спеша подошел к выходу. Главарь вышибал уставился на рубин так, словно его пригвоздило к месту; взгляд его не отрывался от камня ни на мгновение.

— Держи. Отдашь своему хозяину, — я небрежно подбросил рубин в воздух. — Этого камня с лихвой хватит, чтобы покрыть все пять тысяч.

Громила едва ли не зубами поймал драгоценность, а я тем временем ловко выхватил из его ослабевших пальцев долговую расписку. Бросив быстрый взгляд на текст, я безжалостно разорвал бумагу в клочья.

— Премного благодарны, господин герой! Век не забудем! — залопотал вожак, поспешно пятясь к выходу и прижимая рубин к груди, точно величайшую святыню. — А... как же это... а что делать с ранениями моих братьев?..

Я окинул взглядом валявшихся на земле громил. С виду на них не было ни единой царапины, однако каждый из них, скорчившись, прижимал ладони к вискам и истошно завывал от невыносимой головной боли.

Внезапно из-за моей спины полилась чистая, певучая мелодия. Короткая трель флейты прозвучала мягко и ненавязчиво, но стоило звукам растаять в воздухе, как катавшиеся в пыли оборванцы разом затихли. Они один за другим поднялись на ноги, недоуменно ощупывая головы — жестокий приступ прошел так же внезапно, как и начался.

Почувяв облегчение, трусливая свора не заставила себя долго ждать. Бросив на нас полные ужаса взгляды, они мгновенно пустились наутек, и уже через мгновение от них не осталось и следа.

Бу Фэнчэнь спрятал за пазуху небольшую нефритовую флейту. Заметив мой вопросительный взгляд, он лишь безмятежно улыбнулся:

— Простые фокусы, ничего примечательного.

Использовать музыку как грозное оружие — для этого требовалось либо обладать поистине колоссальной внутренней силой, либо владеть легендарным артефактом. В глубине духовных сил Бу Фэнчэня сомневаться не приходилось, однако миниатюрный инструмент вызвал у меня неподдельный интерес. В хрониках Поднебесной подобные флейты никогда не упоминались, а значит, она наверняка была сокровищем из потаенных закровов Священных Врат.

— У этой флейты есть имя? — полюбопытствовал я, напрочь позабыв в этот момент, что мой спутник страдает глубоким беспамятством.

— Теплая весна, — спокойно отозвался Бу Фэнчэнь.

В прежние времена появление любого легендарного оружия неизбежно влекло за собой реки крови на просторах Цзянху. И не только мечи да копья будоражили умы искателей силы — диковинные музыкальные инструменты, наделенные магическими свойствами, ценились ничуть не меньше.

В этот миг я невольно заскучал по своему гуциню, некогда носившему имя «Нефритовая подвеска девяти небес». Неожиданная игра Бу Фэнчэня всколыхнула в памяти образы ушедших дней, погрузив меня в задумчивость. Я так глубоко ушел в собственные воспоминания, что совершенно упустил из виду одну простую деталь: каким образом человек, начисто лишившийся памяти, сумел без малейшего колебания назвать имя своего оружия?

В будущем, возвращаясь мыслями к этому утру, я всякий раз буду стогать от тихой ярости из-за собственной оплошности.

<http://bllate.org/book/18233/1765194>